

БЕЛГОРОД СВОБОДЕН! 1. Жители возвращаются в родные места. 2. На одной из улиц

В БЕЛГОРОДЕ

БЕЛГОРОД, 7 августа. (Корр. «Курской Правды»). Вчера мы побывали в Белгороде. Трудно после этого быть спокойным. И радостно и хорошо на душе, что он снова наш, этот город. И в то же время больно и тяжело смотреть на то, что осталось от Белгорода, одного из городов, ставших жертвой этой войны.

Мы любим свои города и каждый из них кажется нам по-своему хорошим. Кто был в Белгороде раньше, навсегда запомнил ослепительную белизну домов, густую, тяжелую зелень тополей и акаций и тот какой-то особенный уют города, который так отличал Белгород.

И вот позавчера вслед за саперами мы вышли на главную улицу. Впрочем, прежде надо признать, что мы ее нашли ее, ибо нельзя назвать улицей то, что открылось перед нами. От скверика, против которого очерился израненный карнизом угол гостиницы, и до самого вокзала нет ни одного дома, в котором можно сегодня жить. Квартал за кварталом проходим улицу. И диву даемся, как можно так зверски, так нагло смести и уничтожить все, что здесь было хорошего.

Сворачиваем на Пионерскую улицу, идем по улице Буденного. Скелеты домов, кирпич, щебен, печные трубы, кое-где уцелевший кусок стены и редко-редко чудом спасшийся маленький домик. На улицах буйно растут бурьяны. На Ленинской, там, где раньше каждая соринка вызвала бы удивление, сквозь расколотый асфальт поднялись до самых окон тучные и пыльные лопухи. Страшная картина запустения. Кажется, будто эта улица какого-то древнего, древнего города, который только что открыли из-под земли и пепла. Мы видели развалины в Тиму, мы знаем развалины Курска. Но то, что довелось увидеть вчера, превзошло все предыдущее. Поражает не сам вид разрушенных зданий — это теперь не новинка. Поражает полное отсутствие признаков жилья в центре города. Пустота, бурьяны.

Нет, немцы чувствовали, что они не жили в этом городе. В одном из домов мы увидели взломанный пол. В углу, у печки, еще сохранились куски досок, изрубленных топором. Вокруг валялись немецкие газеты, какое-то сырое тряпье, пустые банки. Тут жил фриц. Он жил в доме и методично и тупо сжигал его по частям.

Полгода немцы терзали Белгород. Мало видеть следы разрушений. Хотелось поговорить с жителями, узнать у них все подробно. Но тишело в первый день мы заглядывали в дома, бродили из квартала в квартал. Везде было пусто. Город, который населяли

десятки тысяч жителей, был мертв, словно какой-то смерч разразился над его улицами. И уж под вечер на Пионерской улице мы заметили двух девочек. Они стояли худенькие и грязные, в порванных платьицах и как-то совсем не по-детски смотрели по сторонам. Вокруг еще полыхала война. За бугром сухо рвались снаряды, в пыльном небе ползали «Юнкерсы». Ярким холодным светом вспыхивали и дрожали поднимались вверх немецкие ракеты. По улице шли бойцы, тянувшись обоз со снарядами, поднимая столбы пыли, ичались на юг тяжелые автомобили. И среди этой суровой картины войны, среди развалин и обломков зданий так странно и больно было видеть этих двух девочек, которые, видимо, еще не пришли в себя после всего пережитого.

Шныгая носом и испуганно поглядывая в небо, старшая рассказала, что они чудом остались в городе. Когда немцы начали выгонять жителей, мать взяла девочек за руки и сказала им: «Помирать, доченьки, так тут, никуда не уйдем». Они спрятались в яму и сидели в ней до тех пор, пока наверху не раздались родные, русские голоса наших бойцов.

Может быть это покажется странным, но в Белгороде найти сейчас очаг жилья так же трудно, как еще два года назад в нем было трудно найти пустую квартиру. По полю в бурьянах мы, наконец, добрались до разрушенного дома, где когда-то жила семья железнодорожника. Дом был совсем развален, плотно окружен травой и только в одном месте трава была вытоптана, там, где был вход в погреб. По изломанным ступенькам мы спустились вниз. В нос ударил терпкий запах сырости. Когда взор освоился с полутьмой, мы заметили на заплесневелых кирпичках маленькую девочку. Потом мать сказала, что девочке пять лет.

Еще не составлен список всех жертв немецкого произвола в Белгороде за эти полгода. Еще не известны все зверства. Никто не побывал на могилах расстрелянных. Мы не знаем еще, что сделали немцы с теми жителями, которых угнали из города насильно. Но вот пятилетняя Лора. Взгляните на нее. С трудом она поднимается с кирпичей и кажется будто ее хилые ножки вот-вот подломятся. Бледное, морщинистое личико делает ее похожей на старушку. Этот ребенок пять месяцев прожил в сыром и темном погребе. С февраля он только несколько раз ел хлеб. Каша из проросшего проса, вода, вареный щавель, вареная крапива — вот чем кормили ребенка.

И вот, когда помотришь на этого ребенка, когда послушаешь рассказ ее матери, которая не

успела тогда, в мартовские убежать из города, с понятна та ярость и унижение бойца, побывавшего в городе и увидевшего его.

За полгода немцы не дали жителям. Изъяв вольствие, они обрекли все семьи. Но самым черным для белгородцев было в этот день немцы стали выгонять жителей. Их выселяли целыми семьями, очищая от жителей одну улицу. Бежавшие не вернувшиеся в город, в село Голова, немцы согнали белгородцев в сортировку. Собных и малосемейных снаряжали в Германию, угоняли в концлагерь. В городе осталось не больше жителей, которых немцы видели выгонять.

Два дня прошло, и войска освободили город. Немские снаряды лис на южной окраине было ходить по улицам шиваясь к их свисту. В отодвинулся далеко от и белгородцы вышли подвалов и ям, где скр последние дни оккупации нах расклеены газеты товарища Сталина. Лю достью узнают, что и рода присвоено двум. Старушка встречает бой его в хату. Ей нечем солдата, в доме уже видали хлеба. Смуш роется в пыльном боец понимает ее, ус «Ничего, мамаша, в войны, тогда угостишь, теперь земляки ваши родны».

По дорогам тянутся людей. Вот везет свой корове семья белгородца жила. Они уходили о теперь, узнав, что г ден, возвращаются в и жить, чтобы строить.

Немцы нам ответят род, как ответят за и род, за каждый дом, семью. Мы не откладываем. За Грайворон, новку, за Борисовку у войска. Они метят за Пусть он разрушен, и нем сейчас жителей, п смотреть на израненные заросшую полянью у знаем одно — Белгород когда уж в него и немцы. И боец, проща рушкой, утешает ее:

— Ничего, мамаша, города строили. Возвек город, дай только нем